

Майкл СМИТ

Память об утратах и азербайджанское общество

“Если бы мы могли читать тайную историю наших врагов, мы нашли бы в каждой человеческой жизни достаточно печали и страданий, чтобы наша враждебность исчезла.”
Генри Вордсворд Лонгфелло

1. Введение

Как и соседние “новые независимые государства” после распада СССР в 1991 году, Республика Азербайджан пережила ряд серьёзных кризисов. Это классические кризисы деколонизации: освобождение от последствий семидесятилетней советской экономической эксплуатации, культурной революции и политического господства¹. Центральной задачей стало воссоздание исторической памяти общества и национальной истории, что является частью более широкого процесса формирования нового гражданского общества, основанного на этнической гордости и культурной самобытности, приверженности своей территориальной целостности и политической независимости. В конце XX столетия вхождение в международное сообщество наций означает создание новых национальных флагов и гимнов, празднование новых национальных праздников и почитание новых национальных героев прошлого, написание новой национальной истории и осуждение заново старых заклятых врагов². Все эти формальные атрибуты национального государства выбираются, подчищаются, разукрашиваются и институционализируются. Их выбирает элита, чтобы мобилизовать массы для достижения новых целей государства. Они определяют нацию как круг “нас”, имеющий свои границы. Страны СНГ стали прекрасным примером создания “воображаемой общины” национального государства, о которой писал Бенедикт Андерсон³.

Азербайджан является особенно важным примером кризиса постсоветской деколонизации и национального строительства, поскольку он пережил суровые испытания войны с соседней Арменией, которая велась в основном из-за спорной территории Нагорного Карабаха. Война как ничто другое определяет контуры жизни нации. Она вводит нас в круг врагов и друзей. Она требует от нас жертв. Взамен она дает нации героев и мучеников. Она создает для воюющих трагические истоки и несет с собой мучительные утраты, которые ложатся в основу повествований о национальной истории. Эти повествования многочисленны и разнообразны, и рассказы о трагедиях и муках переплетены в них с императивами генеалогии и языка, территории, класса и рода. Культурная география нации наполняется флагами и символами, историями и эпосами, памятниками и празднованиями годовщин. Но в ней также есть пустота, пространство смерти, ритуализирующее рождение нации. Как сказал Эрнест Ренан: “Общее горе объединяет больше, чем радость. Когда речь идет о национальной памяти, страдания ценнее триумфов, потому что они налагают на всех обязательства и требуют общих усилий. Поэтому нация - это широкая солидарность, основанная на памяти о жертвах, принесенных в прошлом, и готовности принести их в будущем”⁴.

Исходя из этого трагического императива, народ как сообщество с кровными и языковыми связями, с общими традициями и территорией, должен жить, потому что за него уже умирали. Национальные трагедии и болезненные потери позволяют мобилизовать массы; для этнической группы они становятся средством осознания себя заново в общности пережитого и чувстве групповой солидарности. Трагедии и утраты

позволяют сплотить людей в нацию и объявить чужаками тех, кто остается за ее пределами. В XX веке эти трагедии достигают размеров геноцидов и этнических чисток, создавая то, что Омер Бартов называет “порочным кругом определения врагов и создания жертв”, то есть стремления определить свою нацию как жертву, что является знаком как скорби и позора, так и статуса и чести⁵. Скромные идеи Лонгфелло о “тайной истории наших врагов” получили своё развитие в наше время. Логика национального развития и международного соперничества ведёт к тому, что мы должны выставлять наши печали и жертвы напоказ. Наши тайные истории становятся уж слишком общеизвестными. Мы не только не искореняем враждебность, но, напротив, питаем её всё большими проявлениями ненависти и мести, злопамятностью и взаимным обвинением. Для того чтобы вступить в семью наций или стать членом в одной из них, необходимо прежде всего находиться в состоянии конфликта. Нация черпает свою притягательную силу из своих утрат и страданий. Трагический миф нации определяется двойственностью и амбивалентностью, отрицанием и исключением, памятью и забвением. Те трагические события, которые находятся у истоков народов и спрятаны в романтический туман, являются узлом из загадок и противоречий⁶.

2. Парадигмы скорби

По своей национальной ориентации и в восприятии многих западных СМИ Азербайджан является классическим примером страны-пограничья и перекрёстка между Западом и Востоком, исламом и христианством, Персидской, Турецкой и Российской империями. Сами азербайджанцы разделены между собой. В отличие от турков Анатолии и Центральной Азии, суннитов, азербайджанцы являются этническими турками, но принадлежат к шиитскому течению в исламе. Они разделяют маленькую территорию Кавказа и общекавказские региональные традиции и обычаи с бесчисленными мусульманскими народностями на севере и христианами грузинами и армянами на севере и западе. Азербайджанские земли на юго-востоке Кавказа и в северном Иране были поделены по Гюлистанскому договору 1813 года и Туркманчайскому 1828 года между Российской и Персидской империями, в результате чего сегодня азербайджанский народ разделен между Республикой Азербайджан на севере и Исламской Республикой Иран на юге. Кроме того азербайджанские турки на российском Кавказе стали всё больше и больше испытывать напряжение в отношениях со своими армянскими соседями. Татаро-армянская “война” 1905 года началась с уличного столкновения в Баку, когда классовая враждебность столкнула мусульман, принадлежавших к низшим слоям общества, подвергавшихся дискриминации и живших в нищете, с более богатыми армянскими ремесленниками и торговцами, престижными клиентами покровительствующей им Российской империи. Впервые армяне и азербайджанские турки убивали друг друга из-за происхождения, внешности, религии или языка, на котором они говорили. Эти были далеко не лучшие условия для национального строительства. Но они оставили азербайджанскому народу его собственную трагедию, которую можно воссоздавать и вновь переживать в памяти.

Прогрессивная мусульманская интеллигенция Баку и Гянджи (Елизаветполя) впервые начала создавать элементы азербайджанской национальной идентичности в начале прошлого века, в значительной степени под влиянием европейского национализма и социализма. В 1904 году социал-демократы и их сторонники образовали движение “Гуммет” (“Стремление”), отдельную фракцию в рамках Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, впоследствии примкнувшую к большевикам. “Гуммет” ставил целью развитие классового и общинного сознания беднейших слоёв мусульман. В 1911 году несколько членов “Гуммета” и сочувствующие им националисты,

вдохновленные также панисламизмом и пантюркизмом и прогрессивными движениями в Иране и Турции, сформировали партию “Мусават” (“Равенство”). При харизматическом лидере Мамеде Эмине Расулзаде “Мусават” считал себя новым “Гумметом”, социал-демократической партией, больше не действовавшей под руководством русских, а управляемой самими мусульманами и для мусульман, “популистской” партией азербайджанской “нации” (*миллет*). Задачи обеих партий были немислимо трудными. Азербайджанцы были в своём большинстве либо бедными крестьянами из провинций, либо бедными рабочими из богатого нефтью Баку. Как убедительно показывают различные историки, их сознание и идентичность основывались в значительно большей мере на обычаях и традициях мировой мусульманской “уммы” (общины верующих), чем на каком-либо зарождающемся национальном чувстве. В иерархии национального развития армянское национальное движение было значительно выше азербайджанского в отношении идеологии, информации, институциональной и общественной поддержки.

Однако было бы неправильно напрямую сопоставлять армянский и азербайджанский национализмы или недооценивать уровень национального самосознания в Азербайджане. В этом случае мы неизбежно придем к оценкам: “выше” - “ниже”, а не выявим качественные различия. В традиционном мире мусульманской общины (“уммы”), например, существовал религиозный праздник, Магеррам, который стал школой азербайджанского национализма. В священный Магеррам мусульмане поминуют мученическую смерть имама Хусейна и членов его семьи на поле Кербелы (680 г. н. э.). Прямой потомок Али (двоюродного брата и зятя Пророка Мухаммеда), третий из двенадцати имамов, наследовавших Мухаммеду, Хусейн для большинства правоверных олицетворял душу и сердце шиитского ислама. Принесенная им в Кербеле жертва для “партии Али” (*ши’ат Али*) стала источником солидарности и сопротивления. Раз в год в Магеррам благочестивая мусульманская беднота из индустриальных районов Баку поминала мученическую кончину Хусейна и устраивала в этой связи театрализованные представления столь же эмоционально, как и их братья-шииты в других частях мусульманского мира. Раз в год их мечети и дома драпировались чёрным шелком, и повсюду вывешивались траурные флаги с символическим изображением “пятерицы” (*беш*): поднятой вверх руки с пятью пальцами и ладонью наружу. Этот знак символизировал главных святых, “святое семейство” шиитского ислама (пророка Мухаммеда, его дочь Фатиму, зятя Али и внуков Хасана и Хусейна). Раз в год правоверные собирались в общественных местах и частных домах, чтобы вместе посмотреть духовные театрализованные представления и вновь послушать пересказ событий в Кербеле. На городских улицах появлялись процессии мужчин, бичующих себя цепями и хлыстами или наносящих себе режущие удары острыми лезвиями под убыстряющийся ритм “*шахсей, вахсей*” - “Шах Хусейн, ва Хусейн” (Господин Хусейн! увы, Хусейн!), в сопровождении плачущих и поющих женщин и детей. Своего пика эти процессии достигали к десятому (ашура) дню Магеррама, когда освещённые зыбким светом фонарей бичующие себя мужчины и те, кто их сопровождал, под звук барабанов и труб, цимбал и песнопений заполняли улицы Баку до глубокой ночи.

Торжества Магеррам были общественным актом искупления и надежды, поминанием мифического прошлого; это был “мост, соединяющий древние времена и совершившиеся в них события с бесконечностью будущего”. Изображая страдания Хусейна, принесшего себя в жертву, мусульмане-шииты смотрели в прошлое и вспоминали об этой утрате, искупляя тем самым свои собственные грехи, свою коллективную вину и вечный позор. Но ритуалы Магеррама сами по себе были явлением неоднозначным, несущим в себе внутреннее противоречие: история Кербелы - это мозаичная парадигма многослойных метафор и символов. Они были коллективным актом выражения надежды на

долгожданное возвращение Двенадцатого Имама Мухаммеда аль-Махди, который остается сокрытым до судного дня. Шиитская элегия гласит: “И да явится он вскоре из своего тайного укрытия и принесет миру Правду и Справедливость”. Духовные представления во время Магеррама, символически соединявшие прошлое и будущее, позволяли выразить протест против существующих в реальном мире несправедливости и угнетения. Они в равной степени выражали призыв и к “активной борьбе” и к “пассивному плачу”. Не случайно в шиитских мусульманских общинах религия и политика тесно переплетались. Во время иранской конституционной революции 1906 года жители Тегерана и Кум, протестовавшие против политики правительства, использовали в своих забастовках и демонстрациях язык Кербелы, символизировавший борьбу добра со злом, справедливости против угнетения, что было выражением единства сил шиитского ислама и иранской национальной идентичности. В последние годы существования Российской империи во время празднования Магеррама на улицах Баку часто происходили столкновения между благочестивыми мусульманами и российской полицией, стремившейся оттеснить их в районы их проживания, словно это был уже не их город.

В начале XX века шествия во время Магеррама действительно представляли собой странное зрелище для города, который со всех остальных точек зрения был вполне космополитичен и вестернизирован, где было много иностранных нефтяников, ночных клубов, кинотеатров и ресторанов. Прогрессивная мусульманская интеллигенция уже на протяжении второй половины XIX века выступала против эксцессов ритуалов Магеррама, особенно кровавых самобичеваний и нанесения себе режущих ран, как и против других рецидивов старых традиций - чадры, насильственных браков и кровной мести. Социал-демократы смотрели на эти ритуалы с презрением, как на проявление обскурантизма и суеверий “тёмных” мусульманских масс и их фанатичного духовенства. Но вскоре в ходе трагических мартовских событий 1918 года Магеррам стал моделью азербайджанского национализма. Своей эсхатологической напряжённостью Магеррам помог подготовить мусульманских тюрок Баку к историческому самосознанию, политической мобилизации масс и к созданию нового национального сообщества.

3. Трагические истоки

В XX веке Азербайджан только дважды был суверенным государством: в 1918-1920 годах, в период существования Азербайджанской Демократической Республики (АДР), и с 1991 года, когда была образована Республика Азербайджан. В обоих случаях национальное государство создавалось не столько по плану, сколько потому, что это был единственный выход в сложившихся обстоятельствах, в первом случае - в результате падения Российской империи, а во втором - распада Советского Союза. И то, и другое правительство рассматривает злосчастные мартовские события (*Mart hadisalari*) 1918 года, как огненное крещение нации, её рождение в трагедии. В результате этих событий в основу национального самосознания лёг мощный миф, несущий в себе всю неоднозначность и противоречивость любого трагического события. Но эти события обозначили и поворотный момент, некий якорь во времени, обеспечивший вес и напряжение, необходимые для политической легитимности и демократического суверенитета.

Мартовские события явились результатом второй “татаро-армянской войны” 1917-1920 годов, разгоревшейся в условиях распада Российской империи, эрозии власти Временного правительства и распада Кавказского фронта во время первой мировой войны. Войска турков-анатолийцев прорвали линию фронта и отбросили российские и армянские части армии бывшей Российской империи на запад, в конечном счете до Баку.

Российские войска, всё больше и больше попадавшие под влияние большевистской пропаганды, взбунтовались и устремились по домам, как и солдаты других фронтов. Армянские же солдаты, движимые мыслью о геноциде 1915 года и о продолжающихся жестокостях, совершаемых турецкой армией, возвращались в Армению, чтобы по возможности защитить армянское население, оставшееся за линией фронта. Воинствующий национализм армянских дашнаков составил основу их идеологии. Отступающие войска, по-своему понимавшие события, сочли себя загнанными в ловушку, в смертельный капкан между наступающими турками и местным мусульманским населением Кавказа, которое они воспринимали не иначе, как опасную “пятую колонну” за линией фронта. И эти кавказские мусульмане, которые были в большинстве своем вполне лояльны к Российской империи в годы войны, теперь начали вооружаться для самообороны и ждать прихода турков, как освободителей, подтверждая тем самым наиболее мрачные пророчества своих противников. Летом 1917 года начались первые столкновения “татаро-армянской войны”. Рассказы о реальных и вымышленных зверствах обеих сторон заполнили газеты, выходившие в этом регионе.

Многонациональный Баку, где были сконцентрированы русские, армянские и азербайджанские войска, стал эпицентром насилия. Бакинский Совет, в котором главенствующую роль играли социал-демократы и эсеры различных течений (русские, армяне, грузины и евреи), постепенно стал ведущей силой в городе и регионе. Летом и осенью 1917 года Совет проводил последовательную политику недопущения “Мусавата” к участию в демократических органах власти Баку, несмотря на то, что мусаватисты фактически стали монопольными представителями мусульманской общины города и пользовались поддержкой большинства мусульманских избирателей. К зиме 1918 года Совет охраняла подчиняющаяся ему вооружённая милиция, сформированная из российских армейских частей, расквартированных в городе, а также находящиеся с ним в союзнических отношениях достаточно многочисленные армянские части, находившиеся под руководством дашнаков. Все это подготовило почву для мартовских событий, когда 30 марта - 3 апреля русские и дашнакские войска, подчиняющиеся Совету, стремясь установить контроль над бакинскими улицами, столкнулись с вооружёнными мусульманскими группами. Мусульмане потерпели сокрушительное поражение от объединённых сил бакинского Совета, а затем испытали на себе всю безудержную свирепость дашнакских отрядов.

Для мусаватистов, которые были свидетелями этих событий, они стали одним из главных элементов построения трагической национальной азербайджанской идентичности. С их точки зрения толчок мартовским событиям был дан во время похорон. Почетный караул из примерно пятидесяти офицеров и солдат мусульманских отрядов самообороны в середине марта вошел в город для сопровождения тела Мохаммада Тагиева, сына крупнейшего в Баку нефтепромышленника-миллионера, Гаджи Зейнала Тагиева. Молодой человек был убит во время столкновения между мусульманскими и русско-армянскими частями в городе Ленкорань, на юге страны, и его тело было перевезено домой для соответствующих траурных церемоний и погребения, которое было назначено на 27 марта. Со всех точек зрения его похороны стали для Баку самыми важными и памятными похоронами за много лет. Тагиев-отец не пожалел расходов, чтобы почтить память своего сына. В мусульманских кварталах города воцарился траур, а в сердцах их жителей - гнев и печаль. Для многих Тагиев-сын стал одним из своих, погибших при защите Отечества от русских и армянских грабителей и убийц. Мусульманские толпы при этом выражали своё горе по погибшему молодому человеку, как они выражали своё горе по павшему имаму Хусейну в Магеррам.

Мартовские события начались, по версии мусульманской стороны, когда Бакинский Совет без законных к тому оснований разоружил небольшую группу почётного караула молодого Тагиева и запер её на корабле. Мусульманское население Баку восприняло весть об этом как оскорбление убитого горем Тагиева-отца и новую провокацию: это положило начало конфронтации. Вести о том, что большевистские и армянские отряды только что провели ряд жестоких обысков и арестов в Шемахе, еще больше накалили обстановку. 31 марта многотысячная толпа мусульман собралась у входа в штаб-квартиру Мусульманского благотворительного общества в Баку и потребовала, чтобы почётному караулу было возвращено оружие. Советы проявили сдержанность и выразили готовность вступить в переговоры при посредничестве “Гуммета” и “Мусавата”. Но вооружённые мусульманские отряды уже стремились к конфликту. К тому времени они собирались на улицах и возводили баррикады в своих кварталах; успокоить их было уже невозможно, по словам одного мусульманского интеллигента, они представляли собой “мрачную толпу” (гара десте), которая слышала только себя, свои страхи и свой гнев.

Оценка событий Расулзаде, которая перекликается с тем, что пишут в своих мемуарах очевидцы, говорит скорее о чувстве бессилия и отчаяния, которые испытывала мусульманская элита, чем о какой-либо национальной воле или о тупом шовинизме. Он вспоминает, как все левые партии ополчились против “Мусавата”, который, якобы, довёл дело до кошмарных событий марта 1918 года. “Если бы мы покорно склонили головы перед врагами свободы, возможно, ничего подобного бы не произошло”. Другими словами, Бакинский Совет загнал “Мусават” и его рядовых членов в угол и помог добить их там, предоставив бакинских мусульман “вахханалии” насилия. Мартовские события для Расулзаде были национальной войной, развязанной российскими большевиками против беззащитного азербайджанского народа. В стычках и погроме погибло не менее 12 000 человек. На улицах Баку и его окрестностей в эти дни погибло больше народу, чем за всё время боев в Петрограде в феврале 1917 года или во время “бескровного” большевистского переворота в октябре. Если исходить из числа жертв, мартовские события были одним из наиболее страшных эпизодов в ходе российской революции. Именно так воспринимает их “Мусават”, обвиняя не только большевиков и дашнаков, но и самих себя, бессильных лидеров разъярённых масс.

Победа Бакинского Совета, переименованного затем в Бакинскую Коммуну, была недолговечной. Новое правительство, ориентировавшееся на союз с большевистской Россией, продержалось с марта по июнь 1918 года. Его преемник “Диктатура Центрокаспия”, состоявшая в основном из меньшевиков и эсеров, продержалась с июля по сентябрь и была свергнута в ходе успешного наступления на Баку турецкой армии и азербайджанской милиции. В это время несчастные “двадцать шесть бакинских комиссаров” (большевики) бежали из города и переправились через Каспий, но были убиты антибольшевистскими силами в пустыне Средней Азии. В этой обстановке хаоса в оккупированный Баку перебирается руководство Азербайджанской Демократической Республики, провозглашённой 28 мая 1918 года национальными лидерами, оказавшимися после мартовских событий в изгнании. Мстят за мартовские события, турецкие войска и азербайджанские отряды в свою очередь перебили около 10 тысяч армян. Цикл мести и убийств продолжался с обеих сторон, и параллельно с этим шло создание азербайджанского национального мифа на базе недавнего трагического прошлого.

В короткий период существования АДР мартовские события, как писалось в редакционной статье одного из официальных изданий, стали рассматриваться как избиение ни в чём не повинных мусульман и как таинство национальной инициации, когда

Азербайджанская республика “родилась из глубин анархии и вседозволенности” русской революции. Для мусульман-шиитов Азербайджана мартовские события стали “новой ашурой”, “гражданским Магеррамом”. Прогрессивные члены мусульманской общины, которые раньше осуждали ритуалы Магеррама, называя их суевериями и бессмыслицей, во время революционных событий 1917-1918 годов стали относиться к ним более терпимо. Расулзаде, например, говорил о первом праздновании Магеррама после революции как о великом дне национальной гордости и достоинства. Выступая перед двухтысячной толпой бакинских рабочих, он объявил, что имам Хусейн, боровшийся со злом в лице своих многочисленных врагов, не был побеждён и не умер, но одержал через свою жертву великую победу. Хусейн стал отцом-основателем азербайджанского национального движения, героем, достойным подражания. Совершенно очевидно, что Расулзаде апеллировал к массовым религиозным чувствам, чтобы укрепить своё зарождавшееся национальное государство. Эта стратегия, видимо, была основана на сознательной ориентации его партии на мусульманские массы, для которых эти религиозные чувства значили гораздо больше, чем любые громкие националистические лозунги.

Члены АДР для своих целей пользовались богатым арсеналом мифов и символов (которые традиционно сопутствуют и любому европейскому национализму). Государственный флаг сочетал в себе цвета тюркской национальной идентичности (синий), европейской социал-демократии (красный) и исламской цивилизации (зеленый), а в центре его располагались звезда и полумесяц. Расулзаде в возвышенных словах говорил об исторических памятниках Баку - зороастрийском Храме Огня в Сураханы, Старом городе и Девичьей башне как о земных символах Азербайджанской национальной судьбы. Но все эти образы бледнели в сравнении с силой народной памяти об имаме Хусейне и Магеррамом. Наиболее успешно Расулзаде и его соотечественники использовали образы Кербелы во время первой годовщины мартовских событий (31 марта 1919 года). Это был не столько день национального “траура”, сколько день национального “единства” (бирлик), поскольку “жертвы мучеников” (шахидлар) были не напрасны. В шесть часов утра 31 марта во всех промышленных районах города прозвучали фабричные гудки, возвестившие о начале однодневной забастовки в память жертв мартовских событий (забастовка была организована “Мусаватом” и Конференцией мусульманских рабочих). К забастовке присоединились даже вечно занятые базарные торговцы, портовые рабочие и уличные носильщики. Корабли, стоявшие в бакинской бухте, спустили флаги. Шумный город замер. Люди тихо выходили из своих домов и с рабочих мест, чтобы принять участие в траурных церемониях. На балконах и окнах были вывешены чёрные флаги и ткани, как во время Магеррама. Люди собрались у мечети Тезепир, а затем прошли к новому кладбищу, открытому специально для жертв мартовских событий в Нагорном парке на западной окраине города. Духовные лица читали тексты Корана, принятые при поминании мертвых, и перемешивали религиозные метафоры о коллективной жертве с политическими метафорами о трагических корнях азербайджанской нации.

В эти дни траура мусульмане скорбели о тысячах своих единоверцев, погибших между 30 марта и 3 апреля. Руководители “Мусавата” умело сменили трактовку мартовских событий: то, что они сначала определяли как унижительное поражение, теперь именовалось выдающейся победой. Мартовские события позволяли собрать разрозненные группы азербайджанцев в единую нацию. Они сделали одновременное и общее соблюдение ритуалов Магеррама основой основ народного суверенитета. Иными словами, азербайджанский культ нации был открыт через культ мёртвых шиитского ислама. Мартовские события были уже не просто поворотным пунктом в революционном

календаре, но “областью” или “местом памяти”, началом гражданского сознания и национальной истории. Азербайджанские турки нашли свою собственную уникальную национальную жертву среди всех жертв периода Великой войны, которая позволяла им убеждать страны Антанты в Версале, что они выстрадали своё драгоценное право на самоопределение. И создавая своё повествование о трагическом начале национальной истории, они шли по тому же пути, что и их братья-мусульмане, особенно сирийские и палестинские арабы в распадавшейся Османской империи.

Используя мартовские события для построения мифа о создании новой азербайджанской нации, “Мусават” достиг определённых успехов. В сознании мусульманских рабочих Баку традиционная идея “уммы”, казалось, начала соединяться с тем, что некоторые из них называли “чувством патриотизма” и преданностью своей “родине”. Агитаторы из “Мусавата” всегда были рядом и готовы напомнить своим братьям, что если уж они были готовы пролить свою кровь просто потому, что были мусульманами и турками (как это было в марте 1918 года), они уж конечно должны быть готовы теперь защищать независимость Азербайджана и гордо нести свой азербайджанский трёхцветный флаг с изображением полумесяца. Своего пика эти чувства достигли весной-летом 1919 года, в ходе кампании борьбы с “белой” добровольческой армией А. И. Деникина, которая в тот период захватила большую часть мусульманского Северного Кавказа и Дагестан. Все силы, представленные на бакинской политической сцене, от “Мусавата” до большевиков, успешно поднимали мусульманскую бедноту против Деникина, выдвигая национальные и патриотические лозунги “защиты Отечества”.

И всё же в конце концов мусаватисты убедились, что мартовские события и их гражданский Магеррам - слабая основа для национального строительства. В их собственном представлении, как мы уже видели, мартовские события ассоциировались скорее с невинными жертвами, чем с сознательным восстанием. Траурные церемонии в марте 1919 года были красочным светским спектаклем, эмоциональным поминовением и проявлением чувств, для многих - первой возможностью открыто оплакать свои потери. Но, как показали последующие события, азербайджанские турки не были готовы следовать примеру Хусейна при защите своей нации. Или, возможно, нация и была создана, как пишет Ренан, на основе “памяти о жертвах, принесённых в прошлом”, но ей, к её величайшему несчастью, явно не хватало “готовности принести их в будущем”. “Мусават” дал определение азербайджанской нации в квазирелигиозных терминах. Именно так и воспринял это определение народ. Но в ответ на это его религиозные чувства не переросли в настоящий национализм. В шиитском сознании народа АДР не стала земным воплощением конца времён, завершением истории, поскольку над этим сознанием довлели экономическая разруха, массовая безработица, нехватка еды и эпидемии. Зимой-весной 1920 года азербайджанские турки из-за слабости национального воодушевления и худшей военной подготовки потерпели поражение в ряде пограничных конфликтов с Арменией на западе. 28 апреля в Баку практически без единого выстрела вошла Красная Армия, и в течение недели была провозглашена Азербайджанская Советская Социалистическая Республика. Массовых демонстраций протеста не было.

4. Болезненные потери

Семьдесят лет советской власти оставили Азербайджану в наследство причудливую смесь национального развития и застоя. После того как советские войска заняли страну в 1920 году, было объявлено о создании на территориальной и институциональной базе АДР новой Азербайджанской Советской Социалистической Республики (АзССР), что ясно

означало, что большевистский режим Москвы будет уважать простейшие формы азербайджанского национализма. АзССР сохранила свою территорию и национальные символы, которые стали составной частью советской системы. Политика, именованная «коренизацией», позволила азербайджанским тюркам занять высокие посты в партийном и государственном руководстве АзССР. Признание национальных прав Азербайджана, как и других республик СССР, образованных по этническому принципу, входило составным элементом как в большевистскую национальную политику, так и в государственную Конституцию СССР. В сравнительно недавних работах историков советской национальной политики убедительно, на основании серьёзных и детально продуманных аргументов доказывалось, что при Сталине, начиная с 30-х годов и позднее, права и привилегии наций не только не были урезаны, но напротив, расцвели. СССР с их точки зрения не только не был «убийцей наций» (если использовать термин Р. Конквеста, который он применял для характеристики чисток и депортаций сталинской эпохи), но напротив, был колыбелью наций, строителем наций и «империей позитивных действий».

Эти аргументы заслуживают внимания, так как они основаны на конкретных примерах реализации официальной советской программы «национальной формы и социалистического содержания», несомненного наследия советской эпохи. Но их новизна и успех во многом определяются тем, что национальная политика в СССР рассматривается с точки зрения центра и её структуры и формы изолируются при анализе. С точки же зрения национальных периферий и общего течения истории возникает несколько иная картина. Другими словами, историю наций можно рассматривать с самого начала, то есть с эры национальной независимости, которой для большинства национальностей, входивших в состав СССР, был период 1917-1921 годов. Это позволяет понять, что руководство СССР не изобретало национальную политику, но в значительной мере просто перенесло уже сложившиеся в это время национальные формы в советскую систему (вместо того, чтобы бороться с ними). Историю нужно также читать и в обратной хронологической последовательности, исходя из результатов, учитывая все травмы периода деколонизации, последовавшей за распадом Советского Союза, разрушительные последствия «социалистического содержания» и советско-российской колониальной эксплуатации. Для тех, кто жил в период «советского национального строительства», оно часто было лживым, пустым и даже унижительным процессом. Да, у советских республик и регионов были все формальные признаки современных национальных государств. Но у них отсутствовал основной элемент национальной и государственной организации - независимость. Я убеждён, что нация в такой же мере является экзистенциальным процессом, как и формальной конструкцией. Она - содержание не меньше, чем форма. Прежде чем строительство нации можно спланировать, нация должна как-то начать жить, начать ощущать себя живой целостностью, субъектом истории. А чтобы она начала жить, за нее должны умереть, и погибшие должны быть оплаканы. Советская азербайджанская «нация» не была нацией в полном смысле этого слова, так как в течение семидесяти лет азербайджанский народ не мог свободно выражать свою волю через соответствующим образом избранных демократических представителей. И азербайджанцы не могли достойно оплакивать своих павших, более того, им даже не позволяли помнить, в связи с чем их нужно оплакивать.

Азербайджанскому народу, короче говоря, было отказано в праве на собственную историю. Но какой народ может действительно существовать без истории, которую он мог бы считать своей, как бы она ни была преобразована политикой и предрассудками? «Социалистическое содержание» и власть Советов означали, что АзССР была территориально поделена решением Москвы, которое создало автономную территорию Нагорного Карабаха для армянского населения, составлявшего там большинство, в

рамках Азербайджана и Нахичеванскую автономию, отделённую от собственно азербайджанской территории. Власть Советов означала также постепенное разрушение традиционных исламских институтов и традиций: запрет на ношение чадры, закрытие большинства мечетей и религиозных школ, притеснение духовенства, запрещение использования арабского алфавита, вытеснение из публичной жизни обрядов Магеррама. Она также означала роспуск “Мусавата” и преследование прежних национальных лидеров - из числа членов этой партии. Советские историки переписали официальную историю Азербайджана в фактически антиазербайджанском и антимусульманском духе, ритуально очерняя и демонизируя партию “Мусават”. Переписывая историю мартовских событий, они говорили о предательстве и коварстве “контрреволюционных” мусульман южного Кавказа и обвиняли их и их лидеров-мусаватистов в “мятеже” и “гражданской войне”, развязанной против законной советской власти. Эта новая историография освобождала большевиков от ответственности в соучастии в мартовских событиях, перекладывая вину на “Мусават” за то, что он начал “мятеж”, и на дашнаков за то, что те закончили дело резнёй граждан-мусульман. Взамен она создала миф о Бакинской Коммуне (март - июнь 1918 годов), социалистической коммуне советского типа, основанной на принципах социального и национального мира. Этой благородной и идиллической коммуне противопоставлялся террор и зло, царившие в несоветском Закавказье: опасность панисламизма и шовинизма, взаимной ненависти армян и азербайджанцев. Советская историография не только не скрывала эти опасности и не вводила цензурные ограничения на упоминание о них, но, напротив, подчёркивала их, чтобы тем самым показать превосходство коммунистической власти. Она запрещала “национальные” версии истории, но увековечивала историю национальной ненависти.

Убитые двадцать шесть бакинских комиссаров, а не мусульманские мученики мартовских событий, заняли первые места в пантеоне советских героев-жертв, символов рождавшейся общесоветской государственности. Бакинские комиссары - грузины, армяне, азербайджанцы и русские - идеально представляли подлинный интернациональный характер большевистской революции. В сентябре 1920 года к первой годовщине их смерти и к созыву Первого Конгресса Народов Востока их тела были перевезены из могил в закаспийской пустыне в Баку. Их похоронили со всеми почестями в центре города, впоследствии в их честь был зажжён вечный огонь и воздвигнуты каменные монументы, к которым ежегодно азербайджанские школьники приносили венки и цветы. Двадцать шесть были похоронены в братской могиле на общей земле, где, как сказал Серго Орджоникидзе, не было места национальным различиям и барьерам. Кроме того, памятники наиболее известным комиссарам были установлены ещё и на окраинах Баку, на севере и юге, востоке и западе, завершая тем самым “героическую организацию” пространства города. Вскоре после этого советская власть уничтожила мусульманское кладбище в Нагорном парке, убрав оттуда захороненные тела жертв мартовских событий. Это место было переименовано в честь другого большевика - комиссара Закавказья Сергея Кирова, и там был воздвигнут огромный памятник и построен популярный ресторан “Дружба народов”. В лице двадцати шести комиссаров молодое советское государство создало свой собственный миф рождения, свои “область памяти” и “место скорби”.

К началу 80-х годов фальсификация официальной истории Азербайджана была успешно завершена. Большинство бакинских школьников выразили своё уважение могилам двадцати шести. Мало кто из азербайджанцев знал что-либо о мартовских событиях, за исключением отрывков сведений, устно передаваемых в семьях из поколения в поколение. Но с наступлением гласности и перестройки при Горбачеве началось новое переписывание истории Азербайджана. Теперь азербайджанские историки обнаружили

“белые пятна” и “черные страницы” их цензурированной истории. Они открыли для себя личность и наследие одного из самых ярких основателей АДР Мамеда Эмина Расулзаде. Они стали изучать успехи и неудачи самой АДР. Но во всех этих новых историях акцент делался на лишения и преследования, которые народ терпел в эпоху российской и советской империй. Впервые в открытых публикациях азербайджанцы читали трагический эпос Бахтияра Вахабзаде “Гюлистан” о разделении азербайджанского народа в XIX веке. Они узнали, что мартовские события являются не плодом заговора и мятежа “Мусавата”, а результатом национальной войны, которую развязали российские большевики и армянские националисты против невинных граждан. Они узнали о всех ужасах, которые принес их народу советский период, включая террор сталинской эпохи. В сущности, азербайджанцы начали оплакивать своих мёртвых и это стало частью процесса национального возрождения.

Перестройка также вписала новую главу в трагическую историю азербайджанского народа войной в Нагорном Карабахе. Теперь азербайджанцы столкнулись с новым возрождением армянского национализма и ирредентизма и началом нового цикла насилия и трагедии. Конфликт начался в 1988 году, когда активисты из Нагорного Карабаха и Армении начали агитацию за “возвращение” края родной земле. Результатом этого явились межобщинные столкновения и депортации и шесть лет то утихавшей, то разгоравшейся с новой силой войны. В феврале 1988 года толпа в Сумгаите (многие в ней были либо безработными и нищими, либо беженцами от армян), узнав о том, что несколько молодых азербайджанцев были убиты в Нагорном Карабахе, учинила армянский погром. Двадцать шесть человек были убиты, сотни ранены и изгнаны из своих домов. За этими действиями последовали новые изгнания азербайджанцев из Армении и армян из Азербайджана. Десятки тысяч азербайджанских беженцев потекли в многонациональный Баку, где жило множество этнических армян, которые вскоре оказались вынуждены покинуть город, где началась волна насилия, апогеем которой стали погромы 13-14 января 1990 года.

В ночь с 19 на 20 января советские войска вошли в Баку под предлогом восстановления порядка и межнационального мира, убив при этом более 150 азербайджанцев, в основном мирных граждан, и ранив более 600 человек. Судя по всему эта акция в действительности была направлена не столько на пресечение погрома, уже закончившегося к 19 января, сколько на поддержку разваливающегося коммунистического режима. Азербайджанская коммунистическая партия постепенно теряла поддержку общества, в то время как росло влияние Народного Фронта Азербайджана (НФА), представлявшего собой разношёрстную коалицию интеллигенции, разных местных интересов и тысяч безработных и беженцев, взбудораженных карабахским конфликтом. Коммунисты и Народный Фронт боролись за политическую власть в 1989-1993 годах. Тем временем распался СССР, Азербайджан объявил свою независимость, а армянские вооружённые силы предприняли несколько наступательных операций, которые в 1993 году позволили им установить контроль не только над всем Нагорным Карабахом, но и над значительной территорией вокруг него, над целых 20 процентами территории азербайджанского государства. Эти победы позволили (за небольшим исключением) установить те “исторические границы” Армении на востоке, которых армяне требовали на Парижской мирной конференции в 1919 году. До миллиона азербайджанских граждан стали беженцами. Гейдар Алиев, возглавлявший Азербайджан в 1970-х годах и бывший в 1980-х годах членом Политбюро, в 1993 году вернулся в Баку, отстранил от власти НФА и затем стал президентом страны. Ему удалось остановить нарастание политического хаоса и войну, приносящую Азербайджану одни поражения.

Искать точные причины карабахского конфликта или подсчитывать убитых и пострадавших с той и другой стороны - значит заниматься бессмысленными политическими обвинениями. Для нас важно понять логику повторяющихся вспышек межэтнического насилия: обе нации отвечают на насилия и провокации другой стороны ещё большими насилиями и провокациями. Взаимная ненависть, пронизывавшая прошлую историю армянского и азербайджанского народов, еще раз столкнула их. Порочный круг “определения врагов и создания жертв”, о котором писал Омер Бартов и который он и другие исследовали на примерах сложных отношений немцев и евреев и израильтян и палестинцев, оказался полностью характерен и для армян и азербайджанцев. Если мы намечаем жертвы и караем их, пишет Бартов, мы сеем семена ненависти, независимо от того, победили мы или потерпели поражение. Трагическое насилие, болезненные утраты и память о них порождают лишь новые акты насилия и новые утраты. Жертвы затем становятся палачами, а палачи жертвами в разворачивающейся спирали взаимной ненависти. Память о прошлом в этом смысле сулит скорее повторение прежних ошибок, чем гарантию от них, обрекает людей на возвращение страшного прошлого.

Такое понимание взаимосвязи между прошлой историей и новыми войнами, “определением врагов и созданием жертв”, может помочь нам критически осмыслить роль советских национальных форм и азербайджанской национальной памяти. Конечно, не без оснований ведущие исследователи считают, что именно те национальные формы и национальные силы, которые получили пространство для действий и поддержку в рамках советской системы, стали важнейшими факторами, обусловившими крах СССР. Это звучит как красивый парадокс: универсалистский коммунистический режим оказался разрушенным теми сами партикуляристскими национальными формами, которые он законодательно включил в советскую систему. Однако изучая армяно-азербайджанский конфликт из-за Карабаха, мы сталкиваемся скорее не с национализмами утвердившимися, а с национализмами ущербными, которые долгое время отрицались и не могли открыто заявить о себе. Создается впечатление, что именно это отрицание национализмов и их ущербность и являются центральными моментами в логике возобновляющегося вновь и вновь межэтнического насилия.

Несомненно, армянский национализм был намного более активным, чем его азербайджанский аналог. Акты армянских геноцидов в период между 1894 и 1915 годами занимали центральное место в коллективной памяти армян, были тем “символическим капиталом”, который давал жизненную силу и обеспечивал поддержку национализму, мобилизовавшему массы даже в неосталинистскую брежневскую эпоху. Массовые демонстрации в Армении в День поминовения жертв геноцида (24 апреля 1965 года), когда отмечалась 50-летняя годовщина этого события, привели к сооружению на вершине холма в Ереване величественного нового памятника с вечным огнем, зажжённым в память о жертвах. Даже при коммунистическом режиме Советская Армения институционализовала трагедию геноцида в своей национальной памяти. Именно эта память об ужасах прошлого и о судьбе своей нации, как жертвы геноцида, обусловила организованность армян и их готовность к дебатам и демонстрациям в поддержку присоединения Карабаха в 1988 году. Невозможно исправить зло, причинённое геноцидом, однако Армения может обеспечить себе большую целостность, воссоединившись со своими собратьями и присоединив утраченные земли, оказавшиеся под государственным контролем Азербайджана.

На протяжении 1960-1980 годов азербайджанцы проявляли значительно меньшую активность и боевитость. Их национальное движение возникает в 1988 году как реакция

на армянское. Во время карабахского конфликта Азербайджан оказался в очень трудном положении. Ведь в большинстве случаев западные историки и средства массовой информации считали трагической лишь армянскую историю. Борьба армян за Нагорный Карабах рассматривалась как справедливая, как своего рода компенсация за зверства, совершённые над армянами в прошлом. Первые демонстрации за возвращение Карабаха на Театральной площади в Ереване характеризовались как искренние и миролюбивые проявления национальной воли. Случаи этнического насилия азербайджанцев в отношении армян интерпретировались (объективно - вполне провокационно) как попытки нового геноцида. Азербайджанская национальная история в отличие от армянской изображалась скорее в "патологических тонах", как история безответственных лидеров и безжалостных толп. Утверждалось, что азербайджанская примитивная и неразвитая национальная воля выразила себя в Сумгаите в наиболее зверском и чудовищном виде. Азербайджанским жертвам войны не придавалось большого исторического значения, они не рассматривались как часть великой национальной трагедии.

Новое открытие Азербайджаном своей запретной истории, его реакция на карабахский конфликт проявили себя в 1988 году неожиданно и неумело. Некоторые национальные активисты делали провокационные призывы к пантюркизму и панисламу, говоря о необходимости воссоединения с братьями и сестрами азербайджанцами, проживающими на юге. Некоторые лидеры НФА или лица, лояльные Москве, могли даже высказывать одобрение насилия, совершаемого толпой в отношении армян, что всё в большей мере рассматривалось на Западе как символы хаоса и деструктивности, присущих азербайджанскому национализму. В западных сообщениях, претендующих на объективное описание происходящего, конфликт почти всегда описывался как борьба "христианской Армении" против "мусульманского Азербайджана". В 1990 году, после десятилетия, наполненного предвзятыми и вызывающими негодование репортажами об Исламской революции в Иране, с описанием бомбистов-самоубийц и толп, захватывающих заложников, это были взрывоопасные термины. Побуждаемые предостережениями Михаила Горбачева о том, что мусульманские "экстремисты" развернули деятельность в Баку, западные репортеры предупреждали даже, что Азербайджан может пойти по пути революционного Ирана, поддавшись эксцессам и эйфории радикального шиизма. На деле о такой перспективе не свидетельствовало ничего, кроме иногда появлявшихся зелёных флагов и портретов аятоллы Хомейни, или же возгласов "Аллах Акбар!" ("Велик Аллах!"), периодически раздававшихся в ходе массовых демонстраций в Баку.

Не может быть лучшей иллюстрацией этому так называемому "радикализму", чем похороны и демонстрации в память азербайджанских граждан, павших в дни Чёрного января 1990 года. Эти события, как я считаю, были новым воплощением "гражданского" Магеррама, проводившегося властями Азербайджанской Демократической Республики в 1919 году. Мы даже можем рассматривать похороны жертв Чёрного января в качестве первой подлинной акции гражданского Магеррама за постсоветский период. В более широком плане все похороны, проводимые по шиитской традиции, возрождают Магеррам. Все кладбища напоминают о священной земле Кербелы. Культ мёртвых в шиитском исламе связан с культом Хусейна. Под пристальными взглядами советских оккупационных войск, державших оружие наготове - тех самых войск, которые только что убили множество азербайджанцев, - сотни тысяч демонстрантов поднялись из центра Баку на крутой холм, где расположен Нагорный парк, распевая традиционные азербайджанские народные поминальные песни (байаты), вновь оплакивая павших, подобно тому, как оплакивался мученик Хусейн. Некоторые мужчины били себя (больше для вида, чем по-настоящему) собственными кулаками; женщины пели жалобные

песнопения и делали особые, выражающие горе, жесты, как это принято во время шахсей-вахсей. Западные наблюдатели с трудом видели разницу между ревущими антиармянскими толпами, бушевавшими за несколько недель до этого, и скоплениями людей, скорбевших по павшим в дни Чёрного января. И те, и другие воспринимались как свидетельства угрозы возрождения воинственного шиитского ислама. Западным зрителям теленовостей, конечно же, напоминали о том, насколько успешным инструментом политической мобилизации показала себя “парадигма” Кербелы в ходе Иранской революции 1978-1979 годов, когда клерикальный истеблишмент смог объединить различные интересы против власти, воспринимавшейся как тирания шаха и его американских патронов.

Для тех же, кто участвовал в этих демонстрациях, в момент спонтанного, неподготовленного национального катарсиса, траурные церемонии означали подлинное и трагическое возрождение нации. И если азербайджанский народ не смог сохранить или вернуть себе Нагорный Карабах, он смог вернуть себе Нагорный парк, который уже был символом и мартовских событий 1918 года и фальсификаций советской эпохи. Там, с энтузиазмом поддержанные региональным лидером мусульманской общины, шейх-уль-исламом Аллахшукюром Пашазаде, демонстранты наскоро возвели для павших “кладбище мучеников” (*Shahidlar Hiyabani*), в форме шиитской усыпальницы с символами Кербелы и мученической смерти Хусейна и убрали могилы полосками красной вотивной ткани. Вскоре после этого демонстранты разрушили памятник Двадцати шести бакинским комиссарам в центре Баку; в течение нескольких последующих лет его обломки были постепенно разобраны, хотя сам прах комиссаров остался в земле на том же месте. Итак, происходила смена советских ритуалов и форм захоронения ритуалами поминовения, традиционными для мусульман-шиитов.

Однако этот момент национального единства, при всех проявлениях гнева, смирения и порядка, всё же являл лишь один аспект парадигмы Кербелы: здесь доминировала скорее “пассивная скорбь”, чем побуждение к “активной борьбе”. НФА, который помог организовать похороны, не мог преобразовать эйфорию момента в массовую компанию в защиту и поддержку новой нации. Речи Абульфазы Эльчибея, лидера НФА и президента Азербайджана в 1992-1993 годах часто содержали в себе ссылки на катарсическое и терапевтическое значение “крови” недавних азербайджанских “мучеников”, как основы для обновления азербайджанского национального духа. В те годы скорбящие во время Магеррама стихийно шли на “кладбище мучеников”. В свою очередь те, кто скорбел об усопших 20-го января, естественным образом воспроизводили аффекты Магеррама. Однако вслед за церемониями Чёрного января последовали три года, полные политических раздоров и военных несчастий, среди которых выделялась наиболее тяжкая из катастроф, пережитых Азербайджаном в ходе Карабахской войны, - совершённая армянами бойня нескольких сот гражданских лиц в селе Ходжалы. Это событие в большей мере, чем какое-либо другое, доказало, что в Азербайджане господствовали скорее настроения “пассивной скорби”, гражданского равнодушия и национальной апатии, чем чувства гордости и патриотизма.

Таковы были дилеммы, с которыми столкнулось правительство Гейдара Алиева, когда оно пришло к власти в 1993 году. Как мог Азербайджан должным образом оплакивать своих умерших, инвестировать в свой “символический капитал” и мобилизовывать массовое чувство национальной идентичности, не прибегая при этом к “эксцессам” Магеррама, устрашающему радикализму шиитского ислама? Правительство Алиева разработало действенный режим поминовения национальных трагических событий. Но способ, которым Азербайджан ныне отмечает мартовские события, при сравнении с тем,

как отмечала их АДР в 1919 году, позволяет осмыслить всю глубину воздействия советского колониализма, а равно и всю травматическую роль опыта Карабахской войны. Помимо 28-го мая, являющегося днем национальной независимости, и продолжающегося празднования нескольких праздников, унаследованных от советской эры, три другие даты являются вехами в ритуальном календаре Азербайджана: это 31 марта - День Азербайджанского Геноцида; 25 февраля - День "Холокоста" в Ходжалы и 20 января - День поминовения жертв Чёрного января.

В официальных церемониях, проводимых в эти дни, бросается в глаза отсутствие явных ссылок на Хусейна, Кербелу и священный период Магеррама. Правда, сам священный Магеррам возродился: в течение недель и дней, предшествующих ашуре, по всему Баку можно услышать песнопения верующих, а в боковых улицах города увидеть их знамёна и символы. И когда в Азербайджане отмечаются новые трагические даты, люди все еще делают неявные ссылки на Магеррам: это проявляется в их жестах и манере вести себя во время церемоний, в их процессиях к местам захоронений, в чёрных и красных цветах шиитского траура, в их ссылках на "святых мучеников" и в трогательных народных поминальных песнях, которые они поют. Однако государство не предприняло никаких реальных попыток освоить глубокую и неизменную символику Магеррама. Ссылки на ислам, содержащиеся в разного рода официальных заявлениях и речах, - скорее сдержанные и вежливые, чем страстные, и почти всегда соседствуют с какими-нибудь хорошими словами в адрес православного христианства и иудаизма, что должно свидетельствовать о публичном признании многонационального и многоконфессионального характера общества, и гражданских чувствах, унаследованных от советской эпохи. Государство стремится продемонстрировать своей общественности и всему остальному миру, что оно стало целиком и полностью светским, в отличие от соседнего Ирана, приверженного жёсткому фундаментализму и конфессионализму. Вместо того, чтобы с радикальных позиций апеллировать к шиитскому исламу, правительство выражает своё "горе и боль" в уравновешенных и спокойных формах, в форме "минут молчания", "вечного огня" и поминальных церемоний с зажжёнными свечами. Оно возродило несколько ритуалов в советском стиле - "добровольные бригады по очистке территории" (субботники), "углы почитания" (красные уголки) и сам язык русских революционных траурных гимнов - чтобы воздать дань уважения умершим. Все эти моменты были характерны для проводившихся прежде официальных мероприятий в память о Двадцати шести бакинских комиссарах, так что у воспитанного в советских традициях поколения это не вызывает удивления.

Возможно, наиболее значимым является то, что правительство интерпретирует новые трагические даты, особенно 31 марта и 25 февраля, в ставших уже привычными, но всё же несущих большой эмоциональный заряд западных терминах геноцида и этнических чисток. "Порочный круг определения врагов и создания жертв" на практике превращается в элементарный закон международной конкуренции: чтобы выжить на мировой арене и добиться должного уважения, нации порой должны не только применять насилие, но и доказывать, что они сами пострадали от насилия и являются его жертвами. Геноцид и этнические чистки являются тем символическим капиталом, без которого не может обойтись ни одно государство, оказавшееся в том трудном положении, в котором сейчас находится Азербайджан. Ведь Азербайджан должен противостоять международному "имиджу" страдающей Армении с помощью столь же убедительных образов и фактов, говорящих о страданиях своего собственного народа. Правительство настаивает на том, что это делается не для разжигания ненависти и вражды, но для того, чтобы уравновесить чаши на весах исторической справедливости. Так, 31 марта отмечают страдания примерно двух миллионов азербайджанцев, которые были жертвами

территориальных разделов начала XIX века, “татаро-армянских” войн, сталинского террора и депортаций и Карабахской войны. Вследствие этого Азербайджан должен представлять себя со всей конфликтностью и противоречивостью образа трагической нации. По словам Гейдара Алиева, 31 марта символизирует, как “счастье и горе, победы и поражения шли в нашей истории рядом, постоянно сменяя друг друга”.

Официальные государственные лица заявляют, что среди всех траурных дат Чёрный январь является “самым трагическим днем в истории Азербайджана”, “самым большим ударом, нанесенным азербайджанскому народу, самой большой агрессией, террором”. Странная формулировка, если вспомнить все ужасы мартовских событий и еще большие ужасы того, что случилось в Ходжалы. Почему же именно это - самый трагический день? Похороны павших в дни Чёрного января несомненно остались в народной памяти в качестве искреннего и прочувствованного всеми сердцами дня национальной скорби. Однако события 19-20 января 1990 года являются также драматическим предостережением об опасностях некомпетентного руководства, национальной слабости и гражданского равнодушия. Весь этот день пронизан предательством: предательством, “совершённым государственной властью против своего собственного народа”, предательством со стороны горбачёвского режима, который организовал эту акцию, и со стороны лояльного советского азербайджанского руководства, которое ее санкционировало. Чёрный январь также служит для Азербайджана метафорой других трагических утрат, как прошлых, так и будущих. “Мученики” Чёрного января отдавали свои жизни в то время, когда другие оставались равнодушными или апатичными. Их “самопожертвование и героизм” являются уроками национальной силы и единства, уроками, которые учат тому, что Азербайджан никогда вновь не станет чьим-либо “вассалом” - ни вассалом Армении, ни вассалом России. Для институционализации этих идей правительство Алиева развернуло масштабную кампанию по разработке и увековечиванию истории трагических истоков современного Азербайджана и его мучительных утрат. Оно перестроило “кладбище мучеников” на вершине Нагорного парка, превратив его в мемориальный комплекс, в центре которого горит вечный огонь и высится башня традиционной мечети-усыпальницы. Могилы жертв были превращены в элегантные мраморные монументы, подходящие такому устремлённому в будущее городу, как Баку, и демонстрирующие всю невосполнимость принесённых жертв, выражением скорби о которых они являются.

5. Заключение

Азербайджан достойно отмечает свои новые траурные даты. Однако в то же время они как бы подтверждают собой грустную истину, высказанную Бартоломом относительно памяти о трагических событиях: ведь часто забывается о том, что азербайджанцы были не только жертвами насилия, но и сами совершали насилия, и что армяне были не только насильниками, но и жертвами. Ни одна резня не совершалась изолированно. На каждый март 1918 года приходится сентябрь 1918-го. На каждую Ходжалы приходится Сумгаит. На каждый Чёрный январь 19-20-го приходится не менее “чёрный” январь 13-14-го. В ходе официальных азербайджанских поминовений об этом стараются забыть, также как и в ходе аналогичных армянских поминовений, поскольку вспоминать об этом - значит подорвать моральный авторитет собственной нации. Историки также забывают об этом - по тем или иным причинам - и очень часто пишут об одной резне, но молчат о другой. Результатом таких умолчаний становится признание вины лишь какой-то одной стороны и невиновности другой и отрицание трагических истоков истории нации-соперника. Новые описания исторических событий умалчивают об этом, ибо порочный круг насилия и взаимных обвинений, начало которому давно - еще на рубеже прошлого века - было

положено насильями безымянных толп во времена “татаро-армянской войны”, продолжается и в наши дни, проявляясь в насильях и этнических чистках Карабахской войны. То, как пишется история, имеет и свои политические последствия. Обе стороны высказывают свои законные жалобы и требования реституции. Но обе стороны оказались в тупике - тупике победы (Армения) или тупике поражения (Азербайджан). И логика войны требует, чтобы они селективно забывали, так же как и селективно помнили.

В этом контексте задача “прочитать секретную историю наших врагов”, проявить сочувствие к страданиям другой стороны и признать собственную национальную вину за причинение этих страданий представляется неосуществимой. В наибольшей мере реализация этой задачи будет трудна для Азербайджана, поскольку обширная часть его территории остается оккупированной армянскими войсками, множество его граждан остаются изгнанными из своих домов, в то время как большая часть развитых стран мира и средств массовой информации проявляют равнодушие к его судьбе. Однако, быть может, именно этот трудный процесс прочтения чужой истории, сочувствования и признания вины является самым важным шагом в деле созидания нации. Это означает, что частичная, деформированная память вновь обретёт полноту, какой бы болезненной и проблематичной эта более полная память для нас ни была. Это означает примирение со своими врагами: восприятие их национального движения как такого же, как и своё собственное, даже написание их трагической истории как твоей истории. Это означает обретение моральной основы и созидание нации на этой основе. Руководители Германии встали на эту основу, когда они первыми просили прощения за Холокост, когда они духовно воздавали дань его жертвам, посещая лагеря смерти и государство Израиль.

Палестинские лидеры встали на эту основу, когда в 1999 году они впервые, в ходе мирных переговоров с израильтянами, почтили, вместе со своими израильскими соперниками, День поминовения жертв Холокоста. Такое примирение не умаляет своих трагических жертв, но на основе памяти о них приходит к признанию трагических жертв, принесённых другими, а равно и собственной вины за причинённое насилие. Оно не разрушает контуры нашей собственной нации, но означает признание того факта, что контуры, которыми очерчены границы нашего “мы”, всегда так или иначе пересекаются, хорошо это или плохо, с контурами, определяющими “их” границы. Какие бы формы ни приняло окончательное решение карабахского конфликта, оно должно быть подтверждено двумя смелыми поступками - посещением азербайджанским руководством памятника геноциду армянского народа в Ереване и поездкой лидеров Армении на кладбище мучеников в Баку.

Примечания

1. Всё это описывается в кн.: Swietochowski T. *Russia and Azerbaijan: a Borderland in Transition*. New York, 1995; Altstadt A. L. *The Azerbaijani Turks: Power and Identity under Russian Rule*. Stanford, 1992. Общей информацией по азербайджанской истории я в значительной мере обязан этим книгам.
2. См.: Smith K. *Remembering Stalin's Victims: Popular Memory and the End of the USSR*. Ithaca, 1996; Shnirel'man V. A. *Who Gets the Past? Competition for Ancestors among Non-Russian Intellectuals in Russia*. Washington (D. C.), 1996; Astourian S. H. *In Search of their Fathers; National Identity and the Historiography and Politics of Armenian and Azerbaijani Ethnogeneses // Nationalism and History. The Politics of Nation Building in Post-Soviet Armenia, Azerbaijan and Georgia / Eds. D. Schwartz and R. Panossian*. Toronto, 1994. P. 41-94.

3. Hollinger D. How Wide the Circle of "We"? American Intellectuals and the Problem of Ethnos Since World War II // *The American Historical Review*. 1993. № 98/2. April. P. 317-337; Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*. London; New York, 1991.
4. Kramer L. Historical Narratives and the Meaning of Nationalism // *Journal of the History of Ideas*. 1997. № 58/3. P. 535-545. Renan E. What is a Nation? // *Becoming National; A Reader* / Eds. G. Eley and R. G. Suny. New York; Oxford, 1996. P. 53.
5. Bartov O. Defining Enemies, Making Victims: Germans, Jews, and the Holocaust // *The American Historical Review*. 1998. № 103/3. June. P. 772.
6. О сомнительных и спорных источниках национальных нарративов см.: Anderson B. *Imagined Communities*. P. 187-206; Bhabha H. K. *DissemiNation: Time, Narrative, and the Margins of the Modern Nation* // *Nation and Narration* / Ed. H. K. Bhabha. London; New York, 1990. P. 291-297, 308-311; Duara P. *Rescuing history from the Nation: Questioning Narratives of Modern China*. Chicago; London, 1995.
7. См.: Altstadt A. L. *The Azerbaijani Turks*. P. 52-53; Swietochowski T. *Russian Azerbaijan*. P. 23-36, 56-58. О Магепраме как свидетельстве культурной, и следовательно, политической "отсталости" см.: Сталин И. *Марксизм и национальный вопрос* (1913) // Сталин И. *Сочинения*. М., 1952. Т. 2. С. 341; а также: Попов А. Л. *Из истории революции в Восточном Закавказье (1917-1918 гг.)* // *Пролетарская революция*. 1924. № 7/30. С. 11-112.
8. *Vaku khabarlari* // *Achiq soz*. 1918. № 700; № 701; № 703; *Из недавнего прошлого* // *Азербайджан*. 1919. № 67.
9. Для понимания мартовских событий я, наряду с источниками, обозначенными ниже, использовал: Dahshatli mart hadisasinin mukhtasar tarihchesi // *Azerbaijan*. 1919. № 147, а также: Akhunzada S. *Mart hadisasi* 1918. Baku, 1919. Эти мусульманские источники прекрасно дополняют мемуары свидетеля событий журналиста Henry Barby (*Le debacle russe: les extravagances Bolcheviques et l'eporee Armenienne*. Paris, 1918) и детальныe описания этих событий на английском в кн.: Suny R. G. *The Baku Commune, 1917-1918. Class and Nationality in the Russian Revolution*. Princeton, 1972. P. 215-226; Pipes. *The Formation of the Soviet Union*. P. 200; Swietochowski T. *Russian Azerbaijan*. P. 112-119; Altstadt A. L. *The Azerbaijani Turks*. P. 85-86. В этих книгах события излагаются схожим образом, но интерпретируются по-разному, одни авторы скорее симпатизируют Коммуне (Суни), другие - "Мусавату" (Пайпс, Свентоховский, Альтштадт).
10. См.: Второй съезд партии "Мусават" // *Азербайджан*. 1919. № 264.
11. В Петрограде в феврале было убито 1224 человека (см.: Burdzhilov E. N. *Russia's Second Revolution. The February 1917* / Transl. and ed. by D. Raleigh. Bloomington, 1987. P. 337-338), в октябре погибло ещё меньше. С. Г. Шаумян говорит о 3000 убитых в ходе мартовских событий с обеих сторон (но это - только в самом Баку). Эту цифру принимают Пайпс, Свентоховский и Альтштадт. Азербайджанские источники приводят цифры от десяти до двенадцати тысяч. См.: *La Republique de l'Azerbaijan du Caucase*. Paris, 1919. P. 19; Государственный архив политических партий и общественных движений Азербайджанской Республики (в дальнейшем ГАППОД), ф. 277 (Дело "Мусавата"), оп. 2, л. 13, 16, 27. Также см. выступления на Втором съезде "Мусавата" (*Азербайджан*. 1919. № 268; № 270).
12. См.: Rasulzada M. E. *Unudulmaz faja* // *Azerbaijan*. 1919. № 147; К годовщине мартовских событий // *Азербайджан*. 1919. № 70. С. 4; *Азербайджан*. 1919. № 69. С. 2.

13. См.: Мамедов-Ахлиев А. По поводу Магеррама // Известия Комитета Бакинских Мусульманских Общественных Организаций: Приложение к: Каспий. 1917. 5-18 окт. № 222; Rasulzadah M. E. Maharram gunlari // Achiq soz. 1917. № 590.
14. Заседание организационно-пропагандистского отдела "Мусавата" 23 мая 1919 года (ГАНИ, ф. 894, оп. 10, д. 77, л. 2). См. также замечания Расулзаде в ноте поверенному в делах германского посольства в Константинополе (1918) в: ГАНИ, ф. 970 (Министерство иностранных дел Азербайджанской Республики), оп. 1, д. 8, л. 8.
15. В кавычках слова Расулзаде (Rasulzada M. E. Misal numunumasi olan bir kun // Azarbaijan. 1919. № 148; Ibragim K. 18-31 Mart // Azarbaijan. 1919. № 147. Описание взято из статьи "Траурный день" (Азербайджан. 1919. № 68) и из "Протоколов общих собраний мусульманских рабочих" от 31 марта 1919 г. в: ГАНИ, ф. 894, оп. 10, д. 26.
16. Ахундзаде (Akhundzada, Mart hadisasi 1918) изображает мартовские события как азербайджанскую кровавую и трагическую главу в истории Великой войны. Такая же трактовка содержится в "Letter Memorandum to Woodrow Wilson from the Peace Delegation of Azerbaijan (не датировано) (ГАНИ, ф. 9970, оп. 1, д. 143, л. 32).
17. Термины в кавычках взяты из: Winter J. Sites of Memory, Sites of Mourning. The Great War in European Cultural History. Cambridge (England), 1995. P. 1-11; Nora P. General Introduction: Between Memory and History // Realms of Memory. Vol. 1: Conflicts and Divisions / Ed. P. Nora. New York, 1996. P. 1-20.
18. О сирийских и ливанских национальных "мучениках", казнённых оттоманскими властями за восстание, и их роли "основателей нации" см.: Gelvin J. Divided Loyalties: Nationalism and Mass Politics in Syria at the Close of Empire. Berkeley; Los Angeles, 1998. P. 168-181. О годах войн - 1914-1918 и 1939-1949 - как годах, когда создавался "национальный нарратив поражения как победы", см.: Khalidi R. Palestinian Identity. The Construction of Modern National Consciousness. New York, 1997. P. 158-161, 190-197.
19. В кавычках слова из "Письма его превосходительству председателю Совета министров Азербайджанской республики от работников завода Г. З. А. Тагиева на Зухе (июль 1919) (ГАНИ, ф. 894, оп. 10, д. 67). Ссылки на мартовские события в националистическом антибольшевистском и антирусском духе содержатся в "Воззвании бакинского комитета Тюркской демократической партии „Мусават“" (1 мая 1919 г.) (ГАППОД, ф. 276 (История партии), оп. 71 д. 172).
20. Митинг протеста // Азербайджан. 1919. № 121. См. также: Гулиев Д. И. Борьба коммунистической партии за осуществление ленинской национальной политики в Азербайджане. Баку, 1970. С. 300-315. Об установившемся в то время мусаватистско-большевистском антиденикинском союзе см.: Микоян А. И. Дорогой борьбы. М., 1971. С. 471, 515. См. также комментарий большевика-гумметиста Самеда Ага Агамали-оглы в: ГАППОД, ф. 1 (Секретариат ЦК АзКПБ), оп. 85, д. 298, л. 73-74.
21. См.: Conquest R. The Nation Killers: The Soviet Deportation of Nationalities. London, 1977; Suny R. G. The Revenge of the Past; Slezkine Y. The Soviet Union as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism; Martin T. Modernization or Neo-Traditionalism. Обе статьи - в кн.: Stalinism: New Directions / Ed. S. Fitzpatrick. London; New York, 2000. P. 313-367.
22. С этой целью была создана внушительная серия политизированных исторических монографий, например: Ратгаузер Я. Революция и гражданская война в Баку. Баку, 1927; Кулиев М. Враги Октября в Азербайджане. Баку, 1929; Раевский А. Партия "Мусават" и её контрреволюционная работа. Баку, 1929. См. также: Очерки истории коммунистической партии Азербайджана / Под ред. М. С. Искендерова и

- др. Баку, 1963; Гулиев Б. Борьба Коммунистической партии за осуществление ленинской национальной политики в Азербайджане. Баку, 1970.
23. См.: Шаумян С. Бакинская Коммуна. Баку, 1927; Памяти 26: Материалы к истории Бакинской Коммуны 1918 г. / Ред. М. Лифшица и П. Чагина. Баку, 1928; Ратгаузер Я. Арест и гибель комиссаров Бакинской Коммуны. Баку, 1928; Кадишев А. Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. М., 1960. С. 84-89; Смирнов Н. Г. Ушедшие в бессмертие: Очерки истории Бакинской Коммуны. М., 1986.
 24. См., например: Ибрагимов З. Революция 1905-1907 гг. в Азербайджане. Баку, 1955. С. 48-49; Гулиев А. Н. Бакинский пролетариат в годы нового революционного подъёма. Баку, 1963. С. 158; Аветисян Г. А. Комсомол Закавказья в борьбе за победу и упрочение Советской власти. Ереван, 1964. С. 99; Саркисян А. Е. Великий Октябрь и непролетарские партии Закавказья. Ереван, 1990.
 25. Бурджалов Е. Н. Двадцать шесть бакинских комиссаров. М., 1938. С. 108; Орджоникидзе С. Светлой памяти 26 бакинских комиссаров // Бакинский рабочий. 1922. 20 сент. № 211.
 26. См.: Алиев М. Жизнь М. Э. Расулзаде // Азербайджан. 1989. № 3. С. 178-183; Балаев А. Азербайджанское национал-демократическое движение, 1917-1920. Баку, 1990; Nasibzada N. Azarbaijan Demokratik Respublikasi. Vaku, 1990; Агаев В. Партия "Мусават". Порыв к единству и независимости // Бакинский рабочий. 1992. 28 мая; Дарадаби П. Военные проблемы политической истории Азербайджана начала XX века. Баку, 1991.
 27. История Азербайджана по документам и публикациям / Под ред. З. М. Буниятова. Баку, 1990 по сути представляет собой рассказ о разного рода бедах, которые принесли Азербайджану его соседи. См. также: Рафиев Б. "А слава тех не умирает, кто за отечество умрёт" // Вышка. 1993. 10 марта. № 35; Сеть нелегальных организаций действовала в Азербайджане в двадцатые годы // Вышка. 1993. 11 марта. № 36; Чирагзаде И., Бабаева С. Март 1918-го: забытая трагедия // Азербайджан. 1994. 2 апр.
 28. The War against the Popular Front: An Interview with Tofik Gasymov // Uncaptive Minds. 1990. November-December. P. 12-16.
 29. Bartov O. Defining Enemies, Making Victims.
 30. См., например: Suny R. G. The Revenge of the Past; Bremmer I., Taras R. Preface // Nations and Politics in the Soviet Successor States / Eds. I. Bremmer and R. Taras. New York, 1993. P. XX.
 31. "Символический капитал" - термин Бурдьё. См.: Bourdieu P. Language and Symbolic Power / Ed. J. Thompson, trans. G. Raymond and M. Adamson. Cambridge, Massachussets, 1991.
 32. См.: Suny R. G. Looking Toward Ararat: Armenia in Modern History. Bloomington, 1993. P. 186; Libaridian G. Armenia and Armenians: A Divided Homeland and a Dispersed Nation // Soviet Asian Ethnic Frontiers / Eds. W. O. McCagg and B. Silver. New York, 1993. P. 40-43.
 33. О продолжении "геноцида" см.: Willey F., Coleman F. Bad Neighbours Make Bad Blood // Newsweek. 1988. 5 Dec. P. 32, а также: Grigoryants S. Armenia's Man-Made Disaster: Must Genocide Repeat Itself // Glasnost: Information Bulletin. 1989. 16-18 Jan. О демонстрациях и церемониях на Театральной площади, объединяющих "радость и печаль, рождение и смерть" и представляющих позитивные силы нации см.: Abrahamian L. H. Ritual Drama and the Possibilities of Social Change: the Karabagh Movement as Viewed by an Anthropologist: [Доклад, представленный на конференции по истории и социологии советского Кавказа в Университете Лондона в июле 1990 года].

34. См., например: Saroyan M. The 'Karabagh Syndrome' and Azerbaijani Politics // Problems of Communism. 1990. September-October. P. 14-29.
35. См.: Said E. Covering Islam: How the Media and the Experts Determine How We See the Rest of the World. New York, 1981; Pear R. Upheaval in the East // The New York Times. 1990. 21 Jan. P. 12.
36. См.: Fisher M. M. J. Iran. From Religious Dispute to Revolution. P. 184-244.
37. Выступление председателя управления мусульман Кавказа шейх-уль-ислама Гаджи Аллахшукюра Пашазаде // Бакинский рабочий. 2000. 22 янв. С. 5; Джалилова Б. Я выглянула из океана: на мостовой лежали раненые // Бакинский рабочий. 2000. 22 янв. С. 3.
38. О религиозных подъёмах, национальных кризисах и гражданской апатии в эти трудные годы подробнее см. в кн.: Goltz T. Azerbaijan Diary. A Rogue Reporter's Adventures in an Oil-Rich, War-Torn, Post-Soviet Republic. Armonk, New York, 1998.
39. Алиев Г. Обращение к азербайджанскому народу в связи с 31 марта - днём геноцида азербайджанцев // Бакинский рабочий. 2000. 30 марта.
40. В наше время число убитых во время мартовских событий 1918 года и Ходжалинской резни 1992 года - не более 20 000, может считаться не таким уж большим. Но оно полностью соответствует дефиниции и критериям "геноцида", как они приняты в международном законодательстве по правам человека (Конвенция ООН о предотвращении и наказании преступления геноцида).
41. Цитата - из "Обращения к азербайджанскому народу в связи с 31 марта". См. также: Proceeding of the Seminar-Symposium Devoted to the Genocide Against Azeris (Milli Mejlis of the Azerbaijani Republic, 31 March 1999) // Tragic Pages of Our History: Genocide / Ed. M. Aleskerov. Baku, 2000. P. 88. См. также: Обращение к народам и парламентам мира о так называемом "геноциде армян" и ожидаемых глобальных последствиях "армянского вопроса". Одобрено 24 апреля 1995 года на совместном заседании Парламентских комиссий Азербайджанской Республики по правам человека и международным отношениям и беженцам и связям с соотечественниками, проживающими за рубежом.
42. Память о шехидах, погибших во имя родины, свободы и независимости, вечна // Бакинский рабочий. 2000. 20 янв.; Zulfugarov T. History of Nagorno-Karabagh Conflict // Conference on Refugee Law, Human Rights and Migration. Supreme Council of the Azerbaijani Republic and the United Nations High Commissioner for Refugees, 22-24 November 1994, Baku. Baku, 1995. P. 30-34; Мехтиев Р. Должны ответить перед народом, перед судом справедливости: К вопросу об исторических и социально-политических истоках кровавой трагедии в Баку в январе 1990 года // Бакинский рабочий. 2000. 25 февр. С. 2; Виновники кровавой январской трагедии непременно должны быть наказаны: Собрание в Министерстве национальной безопасности республики // Бакинский рабочий. 2000. 27 февр. С. 2-3; Шукуров И. Уроки, которые мы извлекли // Бакинский рабочий. 2000. 20 янв. С. 3.
43. См.: Hasanli C. Spring 1918: Armenian Terrorism and the Turko-Moslem Genocide in Azerbaijan // Journal of Azerbaijani Studies. Khazar University, 1998. № 1/4. P. 157-164; Arzumanli V., Mustafa N. Tarikhi Gara Sahifalari: Deportasiya, Soygirim, Gachginlig. Baku, 1998; Volynski G. Ozumuzunkulara va Ozkalar // El Turan. Baku, 1998. № 1-2/13. P. 45-48; Shukurov M. Daghlig Garabagh Munagishasinin Tarikhi-Siyasi va Ideolozhi Aspectlari. Baku, 1999; Girkhgizli G. Asrin Fajiasi: Khojali. Baku, 1999.
44. Например, ни Расулзаде (Resulzade M. E. Das Problem Aserbeidschan. Berlin, 1938), ни А. Балаев (Азербайджанское национал-демократическое движение. С. 18-19) не упоминают о резне азербайджанцами армян в сентябре 1918 года. Наоборот, в последних работах Рональда Суни не упоминается резня армянами азербайджанцев в марте 1918 года. См.: Suny R. G. The Soviet Experiment: Russia,

the USSR, and Successor States. New York; Oxford, 1998. P. 99-100; The Revolution in Transcaucasia // Critical Companion to the Russian Revolution, 1917-1921 / Eds. E. Acton, V. Cherniaev and W. Rosenberg. Bloomington, 1997. P. 725). Некоторые современные азербайджанские историки, фокусируя внимание на армянском территориальном экспансионизме, склонны вообще отрицать армянский геноцид. См.: Бей С. Армянство. Баку, 1994; Рзаев К. Правда и ложь о Карабахской войне. Баку, 1997; Асадов С. Миф о "Великой Армении". Баку, 1999.

45. О процессе "перерабатывания" прошлого, требующем "аккуратной реконструкции прошлого и серьезного взаимодействия с ним", см.: LaCapra. Representing the Holocaust. P. 64-66.

Перевод с английского Ольги Фадиной

Source:

АЗЕРБАЙДЖАН И РОССИЯ: ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Москва. 2001

Ответственный редактор-составитель — доктор исторических наук Д. Е. Фурман

"МИР, ПРОГРЕСС, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА"

Публикации Музея и общественного центра имени Андрея Сахарова

ВЫПУСК 4

Фонд Андрея Сахарова (г. Москва) благодарит

Отделение Фонда Сахарова в США

и его президента г-на Эдварда Кляйна

за предоставление средств на подготовку и публикацию книги

и проведение конференции

"Азербайджан и Россия: общества и государства".

Азербайджан и Россия: общества и государства / Отв. ред. и сост. Д. Е. Фурман. — М.: Летний сад, 2001. — 496 с.

Данная книга представляет собой сборник статей западных, азербайджанских и российских авторов. В книге исследуются проблемы политического развития современного Азербайджана. Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся проблемами развития постсоветских стран.

Книга была представлена на конференции "Азербайджан и Россия: общества и государства", состоявшейся в апреле 2001 г.

© Фонд Андрея Сахарова, 2001

[содержание](#)

[Азербайджан и Россия. Общества и государства. \(archive.org\)](#)

Содержание

[Дмитрий Фурман, Азербайджан и Россия. Введение](#)

[Тадеуш Свентоховский. Русское правление, модернизаторские элиты и становление национальной идентичности в Азербайджане](#)

[Ева-Мария Аух. Между приспособлением и самоутверждением. Ранний этап поисков национальной идентичности в среде мусульманской интеллигенции и возникновение нового общества на юго-восточном Кавказе \(1875-1905 гг.\)](#)

[Майкл Смит. Память об утратах и азербайджанское самосознание](#)

[Дмитрий Фурман, Али Абасов. Азербайджанская революция](#)

[Зардушт Али-заде. Азербайджанская элита и массы в период распада СССР: \(Статья-мемуары о бурном времени\)](#)

[Санобар Шерматова. Гейдар Алиев \(Штрихи к портрету человека и “портрету режима”\)](#)

[Гасан Кулиев. Трудная история Милли Меджлиса \(Национального Собрания\) Азербайджана](#)

[Рахман Бадалов. Баку: город и страна](#)

[Али Абасов. Ислам в современном Азербайджане: образы и реалии](#)

[Раул Мотика. Исламские “сети” в Азербайджане 90-х годов](#)

[Ирада Гусейнова. Беженцы, их положение и роль в современном азербайджанском обществе](#)

[Расим Мусабеков. Становление независимого азербайджанского государства и этнические меньшинства](#)

[Губад Ибадоглы. Издержки “переходного периода” в Азербайджане](#)

[Тогрул Джуварлы. Азербайджанская нефть: поиски равнодействующей](#)

[Сванте Корнелл. Конфликт в Нагорном Карабахе: динамика и перспективы решения](#)

[Азер Мурсалиев. Азербайджан в российской прессе \(1988-2000\). Субъективный взгляд объекта](#)

[Список авторов](#)